

УДК 821.161.1

В. В. Мароши

Новосибирск, Россия

СМЕРТЬ СЛОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Анализируются три авторских варианта смерти слона в русской литературе XX в. В рассказе Куприна «Слоновья прогулка» (1912) в центре сюжета – конфликт героя-слона и людей, противопоставление свободы и несвободы, природы и цивилизации, животного и человека. Но и здесь герой метафорически уподоблен царю. В произведениях на историческую тему смерть слона локализована в средневековье и связана с авторитаризмом или его кризисом, поэтому слоны здесь спутники императоров и царей. В исторической повести А. Сегеня «Абуль-Аббас – любимый слон Карла Великого» (1998) внезапно умирает слон, подаренный Карлу Великому Гарун аль-Рашидом. Безутешный император останавливает войну и устраивает своему любимцу пышные похороны. В рассказе Ю. Буйды «Смерть эфанта» (2014) казнь слона, подаренного Ивану Грозному, обрастает другими значимыми смертельными событиями – смертью черного слона-двойника героя, самозванца Лжедмитрия, его жены, его малолетнего сына, палача. Буйда переписывает историю, творя новую легенду о слоне как изгое, мученике, скитальце. Его смерть изображена гиперболично и экспрессивно. Современные отечественные авторы очевидным образом предпочитают исторически отстоявшийся нарратив, который сложился вокруг легендарных исторических персонажей. Однако сюжет со слонем – это и часть политического дискурса о роли авторитарной личности, оправданности насилия, принципиальных различиях государственного устройства России и Запада. Судьба подаренных властителям слонов в России времен Ивана Грозного и в средневековой Европе это подтверждает.

Ключевые слова: слон, Средние века, смерть, казнь, сюжет, царь.

В лирико-автобиографической поэме Вяч. Иванова «Младенчество» (1918) лирический герой видит слона на прогулке в сопровождении персов – то ли во сне, то ли наяву:

Но первый сон, душе любезный,
В окне привидевшийся сон –
Был на холме зеленом слон.

Мароши Валерий Владимирович – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630124, Россия, maroshi@mail.ru)

ISSN 2410-7883 Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 176–184.

© В. В. Мароши, 2015

С ним Персы, в парчевых халатах,
Гуляли важно... Сад **зверей**
Предстал **обителью царей**,
Плененных в сказочных палатах [1, с. 15].

Иванов, как известно, придавал особое значение многослойности символа, смыслы которого для него были связаны прежде всего с разными религиозно-культурными контекстами. Персонажу Вяч. Иванова дано здесь созерцание изначального архетипа библейского Эдема – огороженного зверинца персидских владык, название которого (*pairidaêza*) было усвоено сначала античной, а затем и христианской культурой как имя потерянного человечеством Рая («ὁ παράδεισος – *paradeisos*»). Мальчик то ли действительно видит гуляющего слона (но слонов в пору его «младенчества» в только что основанном Московском зоосаде не было), то ли, скорее всего, грезит наяву символическими архетипами человечества. Пространственно-биографическая близость героя к Московскому зоосаду пересмыслиется как способность чистого душой ребенка, растущего в религиозной семье, воспринимать зоосад в духе «анаменезиса» библейского Эдема («мой детский, первобытный Рай» [1, с. 14]). Обратим внимание, что все звери зоосада для него – «пленные цари». Смысловая связь слона и царя в приведенном фрагменте не акцентирована, важнее метаморфоза «зверь в саду зверей как сокрытый царь».

Однако не менее важен и исторический смысл символа, сознательно вложенный поэтом-эрудитом. Именно персы (шах Тамасп) первыми подарили в 1575 г. слона русскому государю – Ивану Грозному. Он же стал и первым слонем, которого вообще увидели в России. Расположения Ивана Грозного тогда добивались государи как Запада, так и Востока: английская королева подарила русскому царю пару львов, а шах отправил в Россию слона. Так в Москве образовался первый государственный «зоопарк», утверждавший силу и влияние государя. Слоны и львы играли в нем самые важные роли как сильнейшие и опаснейшие из земных зверей, подвластные русскому царю.

В средневековой Европе еще в начале IX в. белый слон Абу-ль-Аббас был подарен королю франков Карлу Великому аббасидским халифом Гарун-аль-Рашидом. В отличие от Грозного, Карл Великий постоянно брал слона с собой в походы, явно стремясь подражать в этом отношении Ганнибалу. Во время одного из этих походов слон и умер. Судьба же первого слона в России сложилась более драматично: по сведениям иностранцев (немца-опричника Г. Штадена и пастора Пауля Одеборна), слон якобы сначала впал в немилость у царя, не научившись вставать перед ним на колени, а затем – у московского плебса, спойввшего его погонщика-араба. Это, в конечном счете, и стало главной причиной его смерти: «Великому князю был подарен слон вместе с арабом, который за этим слонем ухаживал. Араб получал в Москве большое жалованье. Это подметили русские бражники (*Brasneck*), т. е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и [зернью] играют (*doppein und spielen*). Из-за денег они тайно убили жену араба. – Вот этот-то араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слонем, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина (*einen Voïagen*) с наказом умертвить слона при помощи [крестьян]... и посадских (*Burger*). Слон стоял [обычно] в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле. Там его и добили; выбили у него клыки и доставили великому князю в доказательство того, что слон действительно околел» [2]. Судьба слона, таким образом, по крайней мере в комментарии западного на-

блюдателя, оказывается исторически типична для представителя русской власти: огульные обвинения, опала, ссылка, казнь.

В XVIII в. число подаренных русским императорам и императрицам слонов вырастет в несколько раз, это станет традицией (последний слон российского императора был расстрелян в 1917 г. матросами то ли в Петергофе, то ли в Царском Селе), однако ни с одним из них не связано какой-либо народной легенды или литературно обработанного нарратива. Дело, по-видимому, в том, что в историческом нарративе смерть слона Ивана Грозного, о котором рассказывают только недостоверные иностранные источники, во-первых, абсолютно прецедентна, во-вторых, это казнь по распоряжению самого «грозного» царя, в-третьих, она связана с множеством сопутствующих или предшествующих смертей: жены зрителя-араба, самого араба, массовой гибели от чумы московских жителей. Исторический контекст появления слона у Ивана Грозного и записок иностранцев о нем подробно рассмотрен в статье М. Моисеева [3].

Возможно, именно эта историческая концентрация смерти вокруг диковинного в России слона позволила известному современному отечественному прозаику Юрию Буйде в рассказе «Смерть элѳанта» из цикла «Осорьинские хроники» вписать смерть слона в череду «хроникально» зафиксированных казней сына самозванца, палача, следующих друг за другом в одну из недель октября 1614 г., в начале царствования Михаила Романова: «Ребенка повесили в понедельник, палача – в четверг, а слона казнили в субботу» [4, с. 149]. Более того, на эти соположенные смерти наслаиваются и убийство Самозванца, и смерть Марии Мнишек, и смерть еще одного слона, черного, как бы негативного двойника героя. В статье Т. Г. Прохоровой [5] уже были рассмотрены различные аспекты «постмодернистского» обращения Буйды с историческими сюжетами русской Смуты, мы же сосредоточимся на символике и метафорике смерти «слона как царя». В изображении поведения слона у Буйды очевидны теоморфная и авторитарная символика: «...а элѳант **величественно** шествовал, положив хобот на плечо араба... и всем хотелось, чтобы он встал на задние ноги, поднял хобот к небесам и вострубил, вострубил, и стало бы страшно и сладко... Но слон не обращал внимания на москвичей, на их крики и ужимки. <...> Ржали лошади, ревели верблюды, скоморохи били в бубны, цирюльники люто щелкали ножницами, ветер трепал цветные тряпки, прикрывавшие срам у каменных фигур на Фроловской башне, у Свибловой же вороны наперебой клевали трупы разбойников, а слон **величественно шествовал** дальше, **невозмутимый, белоснежный, несравненный, как бог или царь...**» [4, с. 157]. Разумеется, слон, подаренный Грозному, не был белым: эта окраска животного крайне редка и на Востоке, и редкий хроникер прошел бы мимо этого необычного факта. Такой слон-альбинос был наиболее почитаем в восточной культуре как «живой Бог» или эмблема правящей династии.

Именно сходство слона с царем и Богом позволяет Буйде существенно продлить век слона, пережившего Смуту и смену нескольких российских правителей, от Грозного до Михаила Романова. Особую роль в повествовании играет эпизод приветствия слоном Дмитрия Самозванца и Марии Мнишек, как бы легитимизирующий их неполную сакральность: «Внезапно ударила пушка, другая, закричали рожки, прорезалась флейта, зарокотали турецкие барабаны... и тут вдруг слон пустился в пляс... он вскидывал хобот, сворачивал его кольцом и фырчал... он вставал на задние ноги и трубил... он переминался с ноги на ногу и широко разевал свою поросячью пасть, словно улыбаясь... снова поднимался на задние ноги и кружился, кружился... люди очнулись, перевели дух, зашевелились, загомонили...

– Слава! – снова крикнул Дмитрий.

– Слава! – откликнулся кто-то из стрельцов.

– Слава! – радостно закричала толпа. – Слава!

И снова запылала небесная синь, и снова залились малиновым звоном колокола, и снова Марина была **первой красавицей на свете**, румяной и пышной, как само счастье, а Дмитрий – **великаном, красавцем, могучим государем, рыцарем, владыкой и повелителем языков и сердец...**» [4, с. 158].

Художественно оправдана и заданная нарратором в самых сильных позициях повествовании, начале и конце рассказа, временная близость казни ребенка, сына самозванца от Марии Мнишек и слона. В самом слоне повествователь обнаруживает черты ребенка: «...а элефант величественно шествовал, положив хобот на плечо араба и помаргивая **детскими глазами**»; «...растерянная и злая, Марина с ужасом смотрела на белоснежного зверя, стоявшего на коленях и взиравшего на нее **детскими глазами**» [4, с. 159].

Вопреки историческому нарративу Буйда вводит в сочиненную «историю» еще одного слона и его жестокую казнь. Правда, смерть еще одного слона, черного, как бы антипода белого эфанта, изображена предельно скупой. Палачом черного слона в повествовании становится сам автор первичного исторического нарратива о слоне Ивана Грозного, немец-опричник Генрих Штаден: «Слонов было два, черный и белый. Их подарил Ивану Грозному персидский шах Тахмасп. Но черный слон отказался преклонять колени перед московским государем и был за это изрублен в лохмотья мясницким топором – это сделал немец-опричник Штаден. Белый же оказался послушнее и остался в живых» [4, с. 153]. Более того, вопреки недостоверному, но художественно убедительному свидетельству пастора Пауля Одеборна, именно белый слон у Буйды спасается и даже становится знаменит, склонив свои колени перед Иваном Грозным и самозванцем. Однако эпизод его смерти занимает, в полном соответствии с заголовком, центральное место в повествовании. Герой подготовлен к ней всей фантастической историей своих скитаний по охваченной войной России, участием в войне в качестве тягловой силы и боевого слона, болезнями и истощением, жестокой русской зимой, которая наступает уже в октябре (метель, снег): «Восемь лет лишений и страданий превратили **белоснежного красавца в тощего горбатого урода**, побирающегося у церквей и богатых домов. Араб был счастлив, когда удавалось раздобыть немного репы или брюквы для эфанта. Зимой они воровали солому с крыш, а летом питались лесными орехами. Несколько месяцев слону пришлось таскать осадные пушки, а однажды он принял участие в кавалерийской атаке. Шведские пули, польская шрапнель, русские копыта и казацкие сабли оставили следы на его шкуре. Несколько раз его пытались съесть. Он потерял бивень и оброс серым грубым волосом. Его мучила одышка, а зимой донимал кашель.

Наверное, он так и умер бы где-нибудь под забором... снег, черные будылья бурьяна, вороны... и весной кто-нибудь обнаружил бы кучу огромных костей, череп со сломанным бивнем, обрывки грязной шкуры... все к тому и шло... но он дотянул до лета 1614 года, и судьба его неожиданно оказалась вновь связана с большой политикой...» [4, с. 152]; «Теперь он был стар, болен и тощ, и смерть была бы для него милосердным избавлением от страданий»; «Когда слон приблизился, стало видно, что спина и уши его облеплены снегом, в складках под глазами замерзли слезы, а левый бивень сломан» [4, с. 152].

Нарратор комментирует казнь слона как «поэтическое событие»: «Казнь эфанта была событием скорее **поэтическим, нежели политическим**, скорее необходимым, чем неизбежным, но без таких событий, которые часто кажутся бессмысленными, книга истории была бы если и не лживой, то неполной» [4, с. 154]. Изображена она на пределе экспрессии, мучений животного и гиперболичности описания (из слона вытекает неправдоподобно большое количество

крови): «Стрельцы били эфанта копьями и алебардами, пытаясь достать до сердца. Слон вздрагивал при каждом ударе так, что сотрясались бревенчатые стены загона. В темном тесном закуте, под снегом, продрогший и обессиленный от болезней, покрытый язвами и струпами, полуслепший и полуглухой, он был легкой добычей, но прошло не меньше двух часов, пока наконец одному из стрельцов удалось пробить эфантово измученное сердце. Слон упал на колени, уткнулся бивнем в землю и обмяк.

Снег вокруг загона стал быстро темнеть, и иностранцы бросились к Серпуховским воротам, за которыми их ждали кучера с санями и возками, а кровь шла за ними по пятам, стремительно черня снег, пока не добралась до городской стены...» [4, с. 153]. Добавим, что в рассказе Буйды слон убит публично, при большом стечении народа и разделан на мясо.

Нельзя не обратить внимание на двойственность номинации героя в повествовании («слон» и «эфант» в тексте рассказа), тем более, что иностранное обозначение вынесено в заголовок. Персонаж рассказа не только первый русский «слон», вызывавший всеобщее удивление, но и «эфант» для иностранцев, ставших свидетелями публичной казни как ребенка, так и слона («эфант, – пробормотал кто-то из голландских купцов» [4, с. 153]). Так автор «европеизирует» сюжет, демонстрируя в то же время его русскую историческую специфичность.

К схожей ситуации «царь и его слон» и смерти слона, завершающей сюжет произведения, современная отечественная проза обратилась еще в начале 1990-х гг. в поисках занимательной исторической фабулы. Сначала читателям ее представил профессиональный историк А. Левандовский [6], а несколькими годами позже – автор исторической беллетристики А. Сегень [7]. Появление слона у Карла Великого в 801 г. и его внезапная смерть в 810 г. удостоились упоминаний в летописи франков и биографии императора, написанной К. Эйнхардом [8]. В исторической повести Сегеня Карла и слона связывают отношения дружбы и даже совместного пьянства: «И к вечеру оба порой так нализывались, что Карл несколько раз сваливался, пытаясь залезть на слона, а слон однажды повалился на бок, едва не угробив чудом улизнувшего Дварфлинга, и долго не мог встать, тяжело и шумно дыша» [7, с. 318].

Смерть слона становится личной трагедией императора: «...Карл потерял не просто эфанта, а, быть может, главное свое достоинство» [7, с. 415]. В некоем подобии покаяния он даже выдвигает «христианскую» версию внезапной смерти животного: « – Нет, он умирает, – повторил император. – И я знаю почему.

– Почему же?

– Потому что он христианин.

– Мы – не настоящие христиане, – сказал Карл. – А он – настоящий. Он не хочет идти на войну. Он не хочет видеть, как люди будут убивать людей. Он страшится этих зрелищ. И потому умирает, дабы не видеть их. Вот каков мой эфант, Алкуин!

Просто Абуль-Аббас – не языческий эфант, как те, что ходили в бой с Александром, с Пором, с Ганнибалом и спокойно взирали на убийство. Абуль-Аббас родился после Христова пришествия, он знает о Свете Разума, воссиявшем над миром, и не хочет лицезреть убийство» [7, с. 413]. Подобный христианский сентиментализм в повести отдаляет героя от императоров и полководцев Античности, а слона – от знаменитых боевых слонов. Расчувствовавшись, император останавливает поход и даже называет себя именем слона: «А Карл тем временем уже обращался не к тени покойного аббата, а к пока еще живому слону:

– О нет, ты не умрешь, мой родной брат Абуль-Аббас! Я не дам умереть тебе. Дикуил отведет тебя обратно в Ахен, где тебе так хорошо живется, где тебя все любят и где люди не убивают людей. Я один, как и прежде, отправлюсь усмирять

язычников и вернусь с победой к тебе и Химильтруде. Не плачь о ней, брат мой, ведь ты элевант, тебе не положено лить слезы!

– Что с нашим Соломоном? – спросил наконец Эйнгард.

– Не называй его так, – ответил Карл. – Он не Соломон. Он Карл. А я Абуль-Аббас. Я отправлюсь бить вильцев, а вы дождетесь его выздоровления и вместе с ним тихонечко отправитесь назад, в Ахен» [7, с. 413].

После смерти слону оказывают пышные, поистине королевские почести: «Все так называемое “элевантово приданое” – диптих Ирины, слоник Фастрады и многое другое, что напоминало бы об Абуль-Аббасе, было погребено вместе с любимым слонем Карла Великого. Здесь же Карл приказал построить крепость и назвать ее по-латыни *Tumba Elephanti*, или же попросту, по-франкски, Элевантенграб – Могила Слона; и поначалу ее и впрямь стали строить, хотя она вовсе была не нужна, ибо Липпегам находился на самом выгодном месте» [7, с. 417]. Таким образом, сентиментальность Карла в повести Сегеня только усиливает эффект «королевской смерти» слона, искреннего горя императора и его окружения, которое оказалось столь сильным, что было зафиксировано во франкской летописи наравне со смертью родного сына Карла, Пипина. Как и в историческом нарративе, смерть слона Карла Великого стала естественной, хотя и была связана отчасти с его войнами. Поэтому в повествовании сама смерть не изображается, о ней сообщает Карлу гонец. Сегень принимает недостоверную версию части историков о том, что слон императора был белым, как и слон Ивана Грозного у Буйды. Отметим, что название его романа не вполне соответствует его поэтике: главные герои повести – Карл Великий и доставившие слона еврей-посредники.

Истинно «поэтическая смерть» слона, далекая от какой-либо политики, была развернута в рассказе А. И. Куприна «Слоновья прогулка» (1912). Однако само повествование не свободно от «легендарности», которая обычно сопутствует слону в литературе. Так, слон Зембо отличается необычным, гиперболизированным долголетием, которое будет прервано его коварным отравлением: «Слону Зембо было **около двухсот девяноста лет**, может быть, немного больше, может быть, немного меньше. Во всяком случае, он лишь изредка в дремоте по утрам вспоминал, как его ловили в Индии, как его перевозили на пароходе, по железным дорогам и в громадных железных клетках на колесах; как приучали к тому, чтобы кончиком хобота брать хлеб из рук человека, подымать с земли мелкие монеты и сажать осторожно к себе на спину сторожа, и как, наконец, опять морем и сухопутьем привезли его сюда, на окраину просторной, холодной Москвы, и поместили в сарае за железную решетку, напротив слонихи, шагах в двадцати от ее решетки. Самка Нелли, которая была моложе его лет на пятьдесят – семьдесят пять, была вывезена из Замбези, но она сдохла от тяжелого климата, а может быть, и от невнимательного ухода. Прожила она в заключении около пятидесяти лет» [9, с. 329].

Строя сюжет рассказа, Куприн сконтаминировал две реальные, по-видимому, известные ему фавулы – о смерти старого и больного слона Зембо в 1909 г. в Московском зоологическом саду, которого пришлось отравить (об этом сообщало 9 мая 1909 г. «Русское слово» [10]) и о мучительной смерти слона Самсона в зверинце Одессы (о ней рассказано в книге В. Л. Дурова «Мои звери»), которого просто расстреляли: «И когда-то в Одессе громадный слон Самсон рассвирепел и начал разносить зверинец. Служители ничего не смогли с ним поделать. Ни угрозы, ни побои, ни угощения не помогали. Слон ломал все, что попадалось ему на пути. Пришлось его окопать и держать несколько дней в яме. В Одессе только и было разговоров, что о Самсоне: – Слыхали, Самсон сбежал?

– Но ведь это очень опасно! Что, если он побежит по улицам?

– Надо его убить!

– Убить такое редкое животное?!

Но Самсон никак не хотел возвращаться в зверинец. Тогда решили его отравить. Наполнили большой апельсин сильным ядом и преподнесли Самсону. Но Самсон не стал есть и даже не подпустил к себе отравителей. Тогда предложили убить Самсона из ружья. Нашлись любители, которые даже заплатили за “стрельбу в цель”. Так и прикончили великана» [11, с. 65]. Смерть одесского слона отчасти напоминает ситуацию его соименника – библейского великана Самсона (необыкновенная сила, пленение «филистимлянами», содержание в темнице и последний отчаянный бунт).

Слон Куприна любит детей, кроток, обостренно переживает чужую смерть: «Зато были у него и настоящие друзья, особенно из детей. Их он принимал радостно, трубил им навстречу, разевал широко свой смешной треугольный мохнатый рот и дул им в лицо из ноздрей своим теплым, сильным, приятным сенным дыханием.

Он был бесконечно кроток и вежлив ко всему маленькому: к насекомым, к зверькам. Кто-то однажды догадался пустить к нему в клетку кроликов, которые не замедлили расплодиться в несметном количестве. Эти маленькие грызуны крали у него траву, зерно, хлеб и сено, грязнили его питьевую воду и часто, взбывая своими цепкими лапками на его ноги, щекотали громадного Зембо до судорог. Однажды они до такой степени расщекотали его самое чувствительное место под коленом правой ноги, что он сделал ею нечаянное неловкое движение и наступил на кролика. Вместо белого зверька осталось на земле круглое красное пятно. И слон двое суток волновался, беспокойно трубил и фыркал, пока служащий не замыл пятно из пожарной трубы» [10, с. 330].

Слон Куприна – типичный герой русской романтической и реалистической парадигм. Это животное наделено разумом и сильными чувствами, но находится в конфликте с людьми вполне определенного типа, шалопаями и чиновниками: «Надо сказать, что людей, особенно после смерти Нелли, Зембо не любил. Нередко в булках, которые ему давали, попадались булавки, гвозди, шпильки и осколки стекла; праздные шалопаи пугали его внезапно раскрытыми зонтиками, дули ему нюхательным табаком в глаза. Очень часто жалкий чиновник, вода в праздник свою жену, детей, свояченицу и племянницу по зоологическому саду, отличался пред ними храбростью: щёлкал бедного Зембо ногтем по концу хобота или совал ему в ноздри зажжённую сигару, но благополучно и поспешно отступал, когда Зембо высовывал из загородки свой хобот, которым он мог бы убить не только человека, но и льва. Как часто без нужды и смысла бывает человек жесток к животным!

Однако исполинская, великодушная слоновья натура Зембо не выходила из равновесия. Он лишь напоминал со свойственной слонам остротой памяти своих мучителей, прекращал с ними всякое знакомство и никогда в присутствии их не тянулся хоботом за решётку» [10, с. 330].

Сама природа (буйство весны) приводит героя к попытке «смены статуса», когда он становится «лидером протеста» всех обитателей зоосада: «Но вот как-то ему пришло в голову прогуляться. В Москве наступила весна. Расцвели в зоологическом саду на лужайках жёлтые одуванчики, золотые лютики, синяя вероника. В это время во всём зоологическом саду был беспорядок. Хорьки, львы, орлы, барсуки, дикобразы, куницы, пумы – все жаждали свободы и страстно метались в своих клетках. Запахло землёй, берёзовым листом и травами» [10, с. 332]; «Он обошёл вокруг весь зоологический сад победной, торжествующей походкой. И всё время высоко поднятый хобот Зембо трубил радостную песню, понятную каждому животному: “Празднуйте, веселитесь, играйте друг с другом, славьте песнями и плясками весну!” И в ответ ему взволнованно рычали львы, клектали

орлы, гоготали и свистели в гнёздах птицы, мычали буйволы и грациозные, нежные лани, дрожа, провожали его влажными глазами» [10, с. 332].

В эпизоде побега снова акцентирована особая кротость слона: «**Медленно, вежливо** вышло это огромное животное из зверинца и прошло в открытые двери, стараясь никого не раздавить. В это время цвела сирень, её нежный, сладкий запах делал людей и животных как пьяными. Но мудрого Зембо не покидала привычная **кроткая осторожность**. Он деликатно перешагнул через целую компанию красных в чёрных крапинках букашек, связавшихся цепью по дорожке, не тронув из них ни одной...» [10, с. 332].

Водворение обратно («Сотни людей и десятки лошадей заставили его подняться, и, весь скованный, обессиленный, он покорно вернулся в свою тюрьму» [10, с. 333]) приводит к полной трансформации героя: «С этого дня кротость, великодушие, вежливость совсем покинули слона, и в нём жили только гнев и мщение. Теперь он поистине стал страшен. Его маленькие кровавые глаза горели бешеным. Днём и ночью, почти не переставая, он ревел, и к этим **крикам негодующего царя** в молчании и с ужасом прислушивался весь зверинец» [10, с. 333]. Метафора «царя», использованная в повествовании возвращает нас к архетипике сюжета, в котором слон явным или скрытым образом связан с харизматичной и авторитарной властью». Ярость бунта героя усиливается: «С каждым днём его ярость росла. Ничто не помогало: ни холодные души, ни мешки со льдом на затылок, ни бром, примешиваемый к питью. Однажды, в жаркий полдень, слону удалось, наконец, расшатать и вырвать из стены огромное кольцо, прикреплявшее цепью его заднюю ногу. <...> Слон, обвившись хоботом вокруг железных брусьев и передав своё исполинское тело на левый бок, делал невероятные усилия, чтобы вырвать из стены второе кольцо, удерживавшее его правую ногу». Публичное зрелище смерти слона на этот раз разыгрывается не в отдалённом историческом прошлом, а в начале XX в. и сопровождается «видеофиксациями»: «...через несколько минут перед решёткой собралась густая толпа народу»; «Слон не сразу взял булку. Он долго недоверчиво обнюхивал, но всё-таки взял. Кругом защёлкали кодаки и затрещал кинематограф. Минуты с четыре Зембо стоял неподвижно, точно изумляясь чему-то, потом вдруг издал резкий крик отчаяния, боли и смерти» [10, с. 334].

В России визуальный образ слона не используется в неофициальном политическом дискурсе так, как в США, где он обозначает с конца XIX в. Республиканскую партию. Зато смерть слона – естественная или насильственная – стала в современной отечественной исторической прозе частью художественных нарративов Власти и Насилия в широком смысле слова. В них слон продолжает оставаться символом власти, значимым антропоморфным и теоморфным персонажем. Современные отечественные авторы очевидным образом предпочитают исторически отстоявшийся нарратив, который сложился вокруг легендарных исторических персонажей. Однако сюжет со слоном – это и часть политического дискурса о роли авторитарной личности, оправданности насилия, принципиальных различиях государственного устройства России и Запада. Судьба подаренных властителям слонов в России времен Ивана Грозного и в средневековой Европе это подтверждает. Для Куприна, автора начала XX в., более значимыми были ценностные противопоставления свободы и несвободы, природы и цивилизации, замкнутого и разомкнутого пространства, животного и человека.

Список литературы

1. *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Академический проект, 1995. Кн. 2. 432 с.

2. *Штаден Генрих*. Записки о Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Staden/framepred.htm> (дата обращения 10.07.2015).
3. *Моисеев М. В.* Слон Ивана Грозного // *Studia Historia Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб.* Минск: РИВШ, 2010. Вып. 3. С. 209–220.
4. *Буйда Ю. В.* Смерть эфанта // Буйда Ю. В. *Яд и мед: Повесть и рассказы*. М.: Эксмо, 2013. С. 149–161.
5. *Прохорова Т. Г.* Особенности художественной интерпретации темы Смуты в малой прозе Юрия Буйды (на материале рассказа «Смерть эфанта») // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2015. № 2 (40). С. 231–234.
6. *Левандовский А.* Белый слон Карла Великого. Невыдуманные истории. М., 1993. 320 с.
7. *Сегень А.* Абуль-Аббас – любимый слон Карла Великого // *Карл Великий*. М., 1998. С. 149–419.
8. *Эйнхард К.* Жизнь Карла Великого, с прологом Валафрида Страба / Пер. М. С. Петровой // *Историки эпохи каролингов*. М.: РОССПЭН, 1999.
9. *Куприн А. И.* Слоновья прогулка // *Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т.* М.: Правда, 1964. Т. 5. С. 328–334.
10. Смертный приговор слону // *Русское слово* 1909. № 22 (09). URL: <http://starosti.ru/article.php?id=19249> (дата обращения 10.07.2015).
11. *Дуров В. Л.* Мои звери. М.: Астрель-АСТ-Ермак, 2004. 157 с.

V. V. Maroshi

Novosibirsk, Russian Federation

THE DEATH OF AN ELEPHANT IN RUSSIAN LITERATURE OF TWENTIETH CENTURY

In the article author analyses three options for the death of an elephant in the Russian literature of the twentieth century. In A. Kuprin's story «Elephant walk» (1912) in the center of the plot is a conflict between the elephant and the people, the juxtaposition of freedom and lack of freedom, nature and civilization, animal and man. But the hero metaphorically likened to the king. In the literal works on a historical theme, the death of the elephant localized in the middle ages and is associated with authoritarianism or it's crisis, so the elephants here the companions of emperors and kings. In a historical tale of A. Segen «Abul-Abbas – favorite elephant of Charlemagne» (1998) elephant, presented to Charlemagne by Harun al-Rashid, dies suddenly. Inconsolable Emperor stopped the war and made a big funeral. In the story of Yury Buida «Elephant' Death» (2014) the execution of an elephant, donated to Ivan the Terrible, acquires significant other mortal events – the death of the black elephant? double of the hero, the murder of False Dmitry, his wife, his infant son, the executioner. Buida rewrites history, creating a new legend about the elephant as the outcast, the martyr, the wanderer. His death is depicted hyperbolic and expressive. Modern Russian authors obviously prefer the narrative settled in history wich developed around the legendary historical characters. However, the story with the elephant is part of a political discourse about the role of the authoritarian personality, the justification of violence, the fundamental differences of government of Russia and the West. Fate of elephants in Russia during the Trouble and in medieval Europe confirms this difference.

Keywords: elefant, the middle ages, the death penalty, the story, the king.

Maroshi Valerij V. – Associate Professor, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyujskaya Str., Novosibirsk, 630124, Russian Federation, maroshi@mail.ru)